

Русская разговорная речь и просторечие в последние двадцать лет становятся все более привлекательным объектом лингвистического исследования. Во многом это – возрождение искусственно (точнее – насильственно) прерванной инициативы Б.А. Ларина, в 20-х годах не только разработавшего комплексную программу изучения городской речи путем анкетирования и опроса информантов, но и многое сделавшего с группой своих учеников и единомышленников для ее реализации. Ларинские идеи, несмотря на их длительную табуизацию, нашли, как известно, выход в некоторых его собственных исследованиях и словарях, созданных последователями Б.А. Ларина. Эти идеи оказались живительными и сейчас, когда большие коллективы русистов в разных городах России (Москва, Петербург, Саратов, Пермь и др.) активно изучают живую речь во всех ее ипостасях. Не случайно поэтому во многих местах книги "Лексика русской разговорной речи" З. Кестер-Тома читатель найдет апелляцию к идеям и проектам Б.А. Ларина (ср. сс. 22, 39, 67 и др.). Причем не просто апелляцию, но и стремление продемонстрировать воплощение этих не потерявших своей актуальности идей в современной лингвистической (особенно лексикографической) практике.

Вслед за Б.А. Лариным автор рецензируемой книги ищет комплексного решения многих проблем разговорной русской лексики. Как и петербургский исследователь, З. Кестер-Тома признает и всесторонне аргументирует динамичный, мобильный характер системы живой речи, переходность ее явлений и неопределенность статуса многих конкретных лексических фактов. С ларинским подходом автора роднит и стремление проверить

гармонию системы разговорной речи алгеброй словарной практики: более полновыны проблем, рассмотренных в монографии, так или иначе развернуты в сторону лексикографии.

Сами понятие и термин "разговорная речь" автор понимает достаточно диалектично и широко, активно отвергая консервативно представление о ней как об отступлении от норм стандартного (resp. литературного) языка (с. 38). В этом подходе чувствуется опора на русскую лингвистическую традицию таких исследователей, как И.А. Бодуэн де Куртэнэ, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и, конечно, Б.А. Ларин. Выбатывая собственное понимание этого термина, З. Кестер-Тома не только сопоставляет его с аналогичными терминами, выработанными германистами, романистами и славистами Европы (сс. 46–58; 130–131), но и в полной мере использует достижения нашей русистики, особенно – группы Е.А. Земской, с которой она уже давно активно и плодотворно сотрудничает (ср. [Koester-Thoma, Zemskaya 1995]). Рассматривая понятие разговорной речи и просторечия в спектре оппозиции "*кодифицированность – некодифицированность*" и трактуя некодифицированную лексику как компонент русской разговорной речи (с. 13), автор определяет последнюю как "процесс, языковое поведение, в результате которого создается *разговорный* текст как готовый продукт" (с. 46). Более широким понятием и часто употребляемым исследовательницей термином является "субстандарт", в который включается и "просторечие", экстралингвистическими параметрами которого признаются непосредственное участие говорящих в акте коммуникации, неподготовленность (resp. спонтанность) и непри-

нужденность последнего и неофициальный ее характер (с. 132). Понятия и термины "жаргон, сленг, арг" и т.п. оговариваются и квалифицируются в книге дополнительно (с. 144, 153 и др.).

Как видим, при таком освещении проблемы разговорная речь, предстает в более широком общелингвистическом контексте. И действительно, в ходе изложения это понятие находится под постоянным "перекрестным огнем" столь важных оппозиций, как "говорящий – слушающий", "система – норма", "код – текст", "регулярность – экспрессивность" и т.д. Не случайно читателю предлагается общая схема взаимоотношений описываемых в книге понятий (см. с. 52 рецензируемой книги).

Вырабатывая собственную точку зрения на понимание речевого субстандарта, З. Кестер-Тома внимательно изучает динамику его интерпретации в самой России. В этом отношении книга весьма полезна и как критический обзор лингвистической литературы и лексикографических трудов, в которых разговорная речь, просторечие и жаргон были обследованы или описаны. Автор при этом обнаруживает полную осведомленность не только в литературе вопроса, но и во многих новейших тенденциях и программах изучения интересующего ее объекта. Так, она информирует читателя о новаторском проекте экспериментального динамического словаря, составляемого группой Г.Н. Скляревской в Институте лингвистических исследований РАН в Петербурге (с. 118).

Читателю (особенно немецкоязычному) будет полезно систематическое изложение подачи разговорной и просторечной речи в русских грамматиках, учебных пособиях и словарях. Собственно, анализ этого предмета и составляет основу всей "трехглавой" книги – ее наиболее объемистую главу "Научные предпосылки" (с. 62–127). В первой главе ("К исследованию разговорной лексики") рассматриваются общие концептуальные и терминологические вопросы, о которых уже говорилось (с. 23–61), в третьей ("Русские языковые варианты") дан самостоятельный анализ лексики просторечия, жаргона, мата и смежных явлений (с. 128–203).

З. Кестер-Тома не просто описывает факты фиксации разговорно-просторечной лексики в различных русских источниках, но и дает им объективную оценку. Сквозь сито такой оценки "просеиваются" грамматик А.Х. Востокова и Ф.И. Буслаева, в которых русская разговорная речь и

просторечие уже нашли более значимое место, чем в грамматической традиции М.В. Ломоносова. Примеры, приводимые автором из этих грамматик (*егоза, забулдыга, запивоха, зюзя, кобениться, бабёноц* и др. у А.Х. Востокова – с. 69) до сих пор сохраняют свою актуальность в нашей речевой среде. Особое внимание уделила исследовательница работам В.И. Чернышева, которые значительно продвинули русистику к "узакониванию" речевых явлений и в словарях, и в грамматиках. Составляя "Грамматику русского языка" (1952–1954), "Русскую грамматику" (1980) и "Краткую русскую грамматику" (1989), автор показывает, как наши грамматисты медленно, но верно пришли от декларативного признания прав разговорно-речевых элементов на фиксацию к их реальной дегабузации. "Краткая грамматика русского языка" в этом отношении – шаг почти революционный.

С целью проследить эту динамику З. Кестер-Тома анализирует и некоторые русские словари. При этом автор вспоминает критические слова Л.В. Щербы, произнесенные им 26 мая 1939 года при обсуждении проекта "Словаря современного русского литературного языка", из которого была вычеркнута разговорная лексика типа *слямзить, шамать, налимониться* и предупреждение ученого об опасности такого языкового пуризма (с. 64–65). Несмотря на то, что пуристическая традиция в русской лексикографии была не меньшей, чем во французской академической лексикографии, эволюция отношения к разговорной речи и просторечию и здесь была "запрограммирована" самим временем. Даже и в "Словаре церковно-славянского и русского языка" в четырех томах (1843–1847), в котором были зафиксированы 114 749 слов, встречаются, по наблюдениям З. Кестер-Тома, и такие, как *мозгляк* 'слабый, болезненный человек' или *орава* 'масса людей', которые и сейчас квалифицируются как просторечные. Традиция фиксации подобной лексики, продолженная и "Толковым словарем живого великорусского языка" В.И. Даля, и "Словарем русского языка" под редакцией Я.К. Грота и А.А. Шахматова, и "Толковым словарем русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова, и "Словарем русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, внимательно изучается автором монографии. Читатель найдет и объективные критические замечания (например, о стилистическом статусе оборота *амур имети / возымети* на с. 109 или упрек в несовершенстве дефиниции для

слова *баламут* на с. 110), и "рейтинговые" рекомендации по стилиевой оценке того или иного словоряда (с. 114, 116), и весьма полезную статистику, основанную на сопоставлении перечисленных словарей.

Для исторической стилистики русского языка значима попытка регистрации и интерпретации помет, которыми снабжалась такого рода лексика и фразеология во всех названных словарях. *Фамильярный стиль устной городской речи, употребляется в просторечии, простонародное, разговорное, фамильярное, шутивное, бранное, вульгарное, грубое, ироническое, презрительное, пренебрежительное, неодобрительное, школьное, охотничье, фабричное, арготическое, детское* и т.д. – набор этих помет и их иерархия постепенно менялись и кристаллизировались, хотя, как подчеркивает исследовательница, так и не достигли в современной лексикографии совершенства. З. Кестер-Тома при этом предлагает читателю сводные таблицы стилистических квалификаторов одних и тех же лексем разными словарями (с. 91–92, 102–104, 112–113), наглядно демонстрирующие определенный "беспредел" в этой лексикографической зоне. Такой "беспредел" здесь традиционен, ибо до сих пор неоднозначны и расплывчивы даже такие широко употребляемые термины, как *стилистический оттенок, стилистическая окраска, стилистическая характеристика, стилистическая помета* (с. 81).

К проблемам стилистической квалификации лексики автор вообще возвращается постоянно, что весьма справедливо и оправдано. Такая квалификация формулируется как одна из целей всего исследования (с. 58). Нерешенность проблемы объясняется З. Кестер-Тома тем, что стилистическая оценка лексики в русской лексикографии и стилистике велась с позиций нормативного употребления, а употребительность слова вне нормы как правило игнорировалась (с. 208). Опыт таких словарей, как словарь под ред. Д.Н. Ушакова и одноименника С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой хотя и вел здесь к дифференцированному подходу, но тем не менее не смог преодолеть этой жесткой, заданной официальной языковой политикой установки.

Отмечая переходность граней между разговорной речью, просторечием и жаргоном, автор книги, тем не менее, не становится на позицию стилистического нигилизма. Характерна поэтому ее реакция на новейшую тенденцию некоторых представителей академической лексико-

графии – отказаться вообще от пометы *прост.* Понимая мотивы, побудившие, например, Г.Н. Складревскую к такому отказу, З. Кестер-Тома, однако, выступает за сохранение и этой пометы, и этого понятия уже потому, что последние дают возможность более дифференцированно описывать в словаре соответствующую лексику (с. 129–130). Действительно, как бы критически не относиться к отечественной лексикографической традиции использования пометы *прост.*, эта помета сыграла важную роль в маркировании лексики с повышенной квотой экспрессивности. И пока современная лексикография не разработает новых стилиметрических координат, этому знаковому "мавр" рано уходить из словарного пространства.

Специальному анализу подвергается также разговорно-просторечная и жаргонная лексика в словарях неологизмов – как серии под ред. Ю.С. Сорокина и Н.З. Котеловой, так и в "Словаре перестройки" (под ред. В.И. Максимова, СПб., 1992), "Новые слова. Отражают события 1991 года" Д. Одресси (Paris, 1992), "Neue Wörter und Bedeutungen" Е. Кановой и В. Эгерта (Berlin, 1992). Основное место в этом анализе уделено, правда, первой серии словарей, хотя опыт петербургских, парижских и берлинских "неологов" заслуживает особого внимания, поскольку составители во многом идут своим собственным путем и вводят в оборот несколько иные квоты материала, чем представители русской академической неологии¹.

Достаточное внимание отводится автором монографии и такому актуальному ныне лексикографическому жанру, как словарь жаргона и бранной русской лексики (155 и сл.). Здесь кратко, но точно выявлены лексикографические параметры этих словарей, число которых увеличивается в геометрической прогрессии. С лексикографическим хладнокровием автор относится и к экспансии в современной литературе и словарях такого прежде "неподцензурного" языкового явления, как мат. Это хладнокровие основывается как на регистрации матерщины на страницах самой столичной прессы, так и на обследованиях носителей русского языка. Так, по просьбе автора двадцатичетырехлетняя москвичка, инженер-строительница назвала те лексемы, кото-

¹ См. рецензии автора этих строк на упомянутые словари: Slavica 1994. Seš. 1. (на словарь Dola Haudressy); Zielsprache Russisch, 1993. № 4. (на словарь E. Kanowa und W. Egert).

рыми она сама, ее подруги и друзья активно пользуются на работе и в обиходе (см. сс. 158–159). Этот социологический эксперимент, по замечанию автора, является свидетельством речевого раскрепощения носителей русского языка, в том числе и женской интеллигенции. Факт грустный (особенно для представителей "сильного пола", которые прежде имели почти исключительную монополию на лексикон такого рода), но поучительный. Ведь не случайно и автором одного из новейших больших словарей русского мата является женщина – профессор московского вуза Т.В. Ахметова [Ахметова 1996], если, конечно, ее фамилия не псевдоним типа "известного московского лексикографа" Василия Буя, издавшего не менее замечательный словарь [Буй 1995].

Как видим, конкретный материал, который является иллюстрацией книги Э. Кестер-Тома, имеет весьма широкий качественный диапазон: от нейтрально-разговорного и "неграмматно-просторечного" до накалиенно экспрессивного жаргонного и обсценного. Такой диапазон оправдан тем широким охватом проблемы, который входил в задачу автора книги, интересующимся с у б с т а н д а р т о м как единым полем. Широта подхода во многом оправдывается и максималистскими установками Э. Кестер-Тома, и попыткой нащупать основные семантические доминанты анализируемой ею лексики. В третьей главе и в приложении читателю предлагаются большие тематические "гроздьи", сама количественная представленность которых говорит об императиве экспрессивного начала в системе разговорной речи, просторечия и жаргона. Выделяются такие доминанты, как обозначения возраста, физического состояния, внешности, характерных черт характера и поведения, умственных способностей, социальной принадлежности и т.д., что говорит о центростремительной антропоморфичности данной лексики.

Само по себе распределение столь импульсивно развивающейся лексики на тематические группы весьма полезно – оно обогащает "синонимические" сусеки отечественной лексикографии. Вот, например, синонимы слова *автомобиль*, собранные автором: *авто, биби, бибика, драндулет, драндулетина, железка, колымага* (в книге ошибочно – *калымага*, видимо, по ассоциации с *калым*), *кар, колёса, лайба, машинетка, мотор, подкидыш, тачанка, тачка, телега, утюг, шина, шины, мыльница, иномарка, воронок, канарейка, клетка, коляска, луноход, ментовка, мигалка, мусоровоз, раковая шейка,*

синеглазка, упаковка, пылесос и др. (с. 194–195). Вчитываясь в такие ряды, собранные как из разных лексикографических, литературных и публицистических источников, так и путем социологических обследований носителей, легко понять, почему исследовательнице столь занимает проблема стилистической квалификации разговорной лексики: только такая квалификация может обеспечить дифференцированное описание в словаре, сделать из коллекции лексических раритетов стройную иерархизированную систему.

Дифференцировать недифференцируемое и иерархизировать неиерархизируемое, разумеется, – задача необычайной сложности. Не случайно ее окончательно не решил ни один из предшественников Э. Кестер-Тома. Поэтому и после публикации книги остается немало места для научных дискуссий и рутинной лексикографической работы по уточнению и совершенствованию способов описания разговорно-просторечной лексики. Один из дискуссионных вопросов – вопрос о теоретическом и практическом разграничении разговорной речи и просторечия. Автор монографии, как мы видели, не желает отказываться от второго термина и понятия, а тем самым – и от пометы *прост.* в русских словарях, что кажется в целом оправданным. Оспорить, однако, можно ее утверждение о достаточно четкой границе между просторечием и разговорной речью. Дискутируя с В. Леманном, который признает отсутствие такой четкой границы, Э. Кестер-Тома пишет: «Тем не менее между разговорной речью и просторечием существует все-таки "граница", которая ощущается каждым носителем русского языка» (с. 134). «Ощущение" носителей языка, однако, – весьма субъективно и, как показывают результаты опросов информантов, чрезвычайно дифференцировано в зависимости от возраста, социального статуса и образовательного ценза каждого русского. Именно поэтому в словарях русского языка царит такой стилистический хаос в разграничении этих двух разновидностей живой речи, хаос, который убедительно продемонстрировала своим исследованием и сама его автор. Размытость границы между разговорной речью, просторечием и жаргоном – реальный факт современного русского языка и ощущения его носителей этому факту, как кажется, вполне соответствуют.

Стремление учредить более строгую границу между двумя названными ипостасями русского субстандарта заставляет автора книги искать собственно лингвисти-

ческие признаки, по которым эта граница маркируется. Таким маркером для городского просторечия признается "большое число вариантов", в то время как "разговорная речь в тех случаях, когда она развивает дублиеты, напротив, стремится освободиться от языковых единиц с идентичными значениями и коннотациями" (с. 137). Этот вывод, как кажется, тоже можно оспорить, ибо синонимические и вариантыные ряды разговорной речи и просторечия по своей активности и качественной концентрированности весьма близки друг другу. В этом легко убедиться, раскрыв синонимические словари русского языка, где гнезда "пьяный", "глупый", "много" и др. достаточно сбалансированно наполнены и просторечными, и разговорными лексемами и фраземами. Критерий количественной активности синонимов и вариантов как маркер городского просторечия поэтому следует признать по меньшей мере весьма относительным.

В соответствии с названием автор, естественно, лвиную долю исследовательского внимания уделяет лексике. Кажется, однако, что антропоцентричность и высокий экспрессивный потенциал лексической системы разговорной речи и просторечия требуют подключения к ее анализу и фразеологического материала. Он нередко является и источником образования лексем, и их продолжением. В книге З. Кестер-Тома, к сожалению, фразеология приводится лишь спорадически, — отказ от анализа последней даже специально оговаривается в предисловии (с. 13; ср. не включение фразеологического уровня в перечень уровней иерархий просторечия на с. 132). Вместе с тем автору не удалось соблюсти полного фразеологического "иммунитета" и некоторые обороты (типа *Кто пашет, а кто с Мавзолея ручкой машет* — с. 30, *без дураков* — с. 124; *дать на лапу* (с. 145), *крут как варёное яйцо*; *круче тебя только яйца, выше тебя только звёзды* — с. 169) прорываются в конкретные пассажи исследования, так сказать, в общем потоке. Иногда лишь условность графической кодификации превращает фразу в слово — таково, например, наречие *нахалтай* 'бесплатно, на дармовщину' (с. 141), вышедшее из лона активной фразеологической модели типа *на шермака*, *на халтон*, *на шару* и т.п. Дефицит фразеологического материала и его недостаточная комментируемость особо остро ощущаются в тех случаях, когда лексемы и фраземы тесно взаимодействуют и

дополняют друг друга. Так, включение в спектр анализа оборота *на авось* могло бы глубже выявить коннотативные потенции лексем *авосьник*, *авосьница*; выражение *бить (давить) сачка* многое объяснило бы в развитии семантики слова *сачкодав* или *сачок* (с. 31); фразеологизм *сидеть на камчатке* стал бы неплохим диахроническим фоном к слову *камчатка* (с. 165), а включение таких словосочетаний, как *полный беспредел*, *правовой беспредел* и т.п. расширило бы представления о функционировании и семантической экспансии жаргонизма *беспредел*, которое, по справедливому наблюдению В.Г. Костомарова, стало символом нашего времени (с. 127).

Книга З. Кестер-Тома отличается точностью воспроизведения форм и значений разговорно-просторечных и жаргонных лексем, что особо трудно, учитывая лексикографическую неразработанность и непоследовательность их фиксации. Лишь в отдельных случаях можно отметить неточности — например, лексема *сиздить* дефинируется как 'удивляться, совершать что-л. неправильное (*sich wundern, nicht das Richtige tun*)' (с. 158), хотя многим носителям русского языка (правда, носителям-мужчинам, а данную семантику глагола сообщила уже упомянутая московская информантка инженер-строитель) оно известно в значении 'украсть'. Весьма редки в книге, отличающейся немецким полиграфическим качеством, и опечатки типа нем. *verfrüht* вм. *verführt* (с. 131).

Монография берлинской славистки подводит итоги многолетним исследованиям русских и зарубежных специалистов в области разговорно-просторечной лексики. Эта книга своевременна уже потому, что экспансия живой речи на страницы широкой печати требует и теоретического обобщения, и лексикографической фиксации. З. Кестер-Тома и рецензируемой работой, и другими своими лексикографическими трудами [Koester-Thoma, Rom 1985] немало сделала для выполнения этих двух актуальных задач. Завершенный и подготовленный автором к печати "Словарь русского просторечия: лексика, фразеология, грамматические формы" и завершаемый словарь русской разговорной речи — следующие этапы комплексного описания разговорно-просторечной лексики, намеченные автором (с. 140). Хотелось бы пожелать автору этих "судьбоносных" проектов довести их до конца уже в нынешнем столетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметова Т.В. 1996 – Русский мат. Толковый словарь. М., 1996.

Буй В 1995 – Русская заветная идиоматика. Веселый словарь крылатых выражений. М., 1995.

Koester-Thoma S., Rom E. 1985 – Wörterbuch der modernen russischen Umgangssprache. Russisch-Deutsch. München, 1985.

Koester-Thoma S., Zemskaja E. 1995 – Russische Umgangssprache. Phonetik, Morphologie, Syntax, Wortbildung, Wortstellung, Lexik, Nomination, Sprachspiel/ Hrsg. S. Koester-Thoma, E.A. Zemaskaja. Berlin, 1995.

В.М. Мокиенко